



СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Владлен  
Логинов**

**ВЛАДИМИР  
ЛЕНИН**  
**КАК СТАТЬ ВОЖДЕМ**

**Владлен Терентьевич Логинов**  
**Владимир Ленин.**  
**Как стать вождем**  
**Серия «Советский век»**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=65273217](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65273217)*

*Владимир Ленин: как стать вождем / В.Т. Логинов: Родина; Москва;  
2021*

*ISBN 978-5-00180-131-3*

**Аннотация**

Владлен Терентьевич Логинов – доктор исторических наук, автор более четырехсот научных работ по русской истории, один из самых известных исследователей биографии Владимира Ульянова (Ленина).

В своей книге В.Т. Логинов рассказывает о раннем этапе жизни В.И. Ленина: о его родителях, детстве, юности, о выборе жизненного пути, начале политической деятельности. Главный вопрос, на который отвечает В. Логинов, – каким образом формировался характер будущего вождя революции, руководителя России в один из самых тяжелых моментов ее истории. Необыкновенная сила воли, влияние на людей, нацеленность на успех, умение подчинить себе ситуацию, –

всё это становится отличительными чертами Ленина именно в молодые годы.

Автор вводит в оборот новые источники, не использованные ранее документы, воспоминания, привлекает обширную литературу русского зарубежья.

*В формате PDF A4 сохранен издательский макет.*

# Содержание

Какого цвета глаза у Ленина?	7
Глава 1	20
У корней родословного древа	20
«Шестидесятники»	37
Симбирск	53
Гимназия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

# **Владлен Логинов Владимир Ленин: как стать вождем**





# Какого цвета глаза у Ленина?

## (Вместо предисловия)

В физиономистику давно уже никто не верит. Не зря, видимо, говорят, что наиболее благообразной внешностью обладают карточные шулеры... И все-таки каждый раз, знакомясь с человеком, всматриваешься в его лицо. Первое впечатление может оказаться и очень точным, и очень обманчивым. За заурядной внешностью можно не заметить гения, и наоборот, за внешностью гения – заурядной посредственностью.

Впервые встретив Ленина, Горький записал: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь – как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя»<sup>1</sup>.

Первое впечатление от внешности Ленина действительно было таково. «Его невысокая фигура в обычном картузике, – пишет Г. М. Кржижановский, – легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком – вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир

---

<sup>1</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 238.

Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, – было в его облике именно нечто как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови»<sup>2</sup>.

Любопытно, что спустя много лет Борис Пастернак, совсем по другому поводу, высказал мысль, довольно близкую к словам Кржижановского: «Гений – не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных, рядовых людей времени, ее бессмертное выражение. Гений ближе к этому обыкновенному человеку, сродни ему, чем к разновидностям людей необыкновенных... Гений – это количественный полюс качественно однородного человечества. Дистанция между гением и обыкновенным человеком воображаема, вернее, ее нет. Но в эту воображаемую и несуществующую дистанцию набивается много «интересных» людей, выдумавших длинные волосы... и бархатные куртки. Они-то (если допустить, что они исторически существуют) и есть явление посредственности. Если гений кому и противостоит, то не толпе, а этой среде...»<sup>3</sup>

Вот, казалось бы, и найден тот угол зрения, который даст возможность подойти к анализу этой сложной исторической личности. Но стоит лишь напомнить, что старый большевик академик Кржижановский был не только горячим сторонником Ленина, но и близким его другом, как станет очевидной

---

<sup>2</sup> Там же. С. 10.

<sup>3</sup> Литературное обозрение. 1978. № 4. С. 105.



шаткость самой исходной позиции.

Потому что человек, не принимающий революцию, а стало быть, и Ленина, увидит и саму внешность его совсем другими глазами. Таким человеком был, например, писатель Александр Иванович Куприн. 26 декабря 1918 года он вместе с журналистом О. Л. Леонидовым побывал на приеме у Ленина, а в феврале 1921 года, будучи уже в эмиграции, опубликовал в Париже свой очерк «Моментальная фотография»...

Ленин, пишет он, «маленького роста, широкоплеч и сухощав. Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх... Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических курсах... Остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Руки у него большие и очень неприятные...

На глаза его я засмотрелся... от природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это вместе с быстрыми взглядами исподлобья придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков (глазной радужницы. – В. Л.)...

Прошлым летом в Парижском зоологическом саду, уви-

дев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз! Разница, оказывается, только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они точно проколы, сделанные тоненькой иглой, а из них точно выскакивают синие искры»<sup>4</sup>.

Дело, конечно, не в том, что не был Ленин в молодости «огненно, красно-рыж», а в том, что стал он для Куприна фигурой знаковой, олицетворением ненавистой для него «красной смуты» и потому-то даже ленинские глаза приобрели у писателя якобы «золото-красный» тон.

Нынешние биографы Ленина возвели подобного рода позицию в принцип и сделали его основополагающим. Д. Волкогонов так и заявил: «Говорить и писать о Ленине – это прежде всего выразить свое отношение к ленинизму»<sup>5</sup>. Поэтому, если вас все-таки интересуют ленинские глаза, а не «отношение к ленинизму», то придется пускаться в дальнейшие самостоятельные розыски.

Вернемся к воспоминаниям Кржижановского: «Стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство

---

<sup>4</sup> Цит. по: *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 29–30.

<sup>5</sup> Там же. С. 12.

портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности...»<sup>6</sup>

Свои зарисовки оставил и А. В. Луначарский: «Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи»<sup>7</sup>.

С Кржижановским все ясно... Но ведь и Луначарский не сторонний наблюдатель, а самый горячий поклонник Ленина. А вот красивейшая женщина, известная в те времена писательница Ариадна Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга Н. К. Крупской, одна из лидеров партии кадетов, которую называли «единственный мужчина в кадетском ЦК», приводит совсем иное мнение: «Злой человек, этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые»<sup>8</sup>.

Или другой пример... Василий Водовозов, о котором мы еще не раз упомянем в последующих главах, и самарский присяжный поверенный Григорий Клеменц были знакомы с

---

<sup>6</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 10–11.

<sup>7</sup> Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969. С. 19.

<sup>8</sup> Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 343.

Лениным примерно в одно и то же время – в 1890–1892 годах. И вот портрет, написанный Водовозовым в эмиграции в 1925 году: «Все лицо в целом поражало каким-то смешением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом»<sup>9</sup>.

Вспомним и портрет, нарисованный Клеменцом в 1924 году: «Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, со свежим румяным лицом, с едва пробиравшимися усами и бородкой – рыжевато-голубого цвета – и слегка вьющимися на голове волосами, тоже рыжеватыми. На вид ему было не более 23 лет. Бросалась в глаза его большая голова с большим белым лбом. Небольшие глаза его как будто постоянно были прищурены, взгляд серьезный, вдумчивый и пристальный. На тонких губах играла несколько ироническая, сдержанная улыбка...»<sup>10</sup>

И, судя по сохранившейся фотографии Владимира Ульянова, относящейся к 1891 году, на которой хорошо были видны и отнюдь не «мясистый» нос, и совсем не «покатый» лоб, и даже прическа, а не «лысина во всю голову», портрет Клеменца достаточно точен. Ну а портрет Водовозова выписан им лишь для того, чтобы сделать общее заключение об

---

<sup>9</sup> Водовозов В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 175.

<sup>10</sup> Коммуна. Самара, 1924. 24 апр.

«аморализме» облика Ленина, хотя тут же следует оговорка: «Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю...»

Так неужели же нет свидетелей объективных, которые вообще не знали – кто это и о ком идет речь?

Оказывается, есть...

Однажды, в 1904 году, Луначарский, только что познакомившись с Лениным, зашел вместе с ним в мастерскую известного скульптора Натана Аронсона.

«Владимир Ильич разделся, – рассказывает Луначарский, – и в своей обычной живой манере обошел большую мастерскую, с любопытством, но без замечаний рассматривая выставленные там гипсы, мраморы и бронзы... Аронсон отвел меня в сторону.

– Кто это? – зашептал он мне на ухо...

– Это один друг...

Аронсон закивал своей пушистой головой:

– У него замечательная наружность.

– Да? – спросил я с изумлением, так как я был как раз разочарован, и Ленин, которого я уже давно считал великим человеком, показался мне при личной встрече слишком похожим на среднего... хитроватого мужика.

– У него замечательнейшая голова, – говорил мне Аронсон, смотря на меня с возбуждением. – Не могли бы вы уговорить его, чтобы он мне позировал? Я сделаю хоть маленькую медаль. Он мне очень может пригодиться, например,

для Сократа.

– Не думаю, что бы он согласился, – сказал я.

Тем не менее я рассказал об этом Ленину, о Сократе тоже. Ленин буквально покатывался со смеху, закрывая лицо руками»<sup>11</sup>. А прекрасная работа Аронсона – мраморная голова Владимира Ильича – многие годы украшала Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

Однажды в беседе с молодым большевиком И. Ф. Поповым, ставшим позднее писателем и драматургом, Ленин, говоря о Плеханове, употребил выражение «*физическая сила ума*». «Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? – спросил Попов. – Я не пойму». Ленин ответил: «А вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него, и видите: сильный физически... Так и у Плеханова ум. Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»<sup>12</sup>. Именно такое впечатление на окружающих производил и сам Ленин.

И на этот случай у нас тоже есть вполне авторитетный и «сторонний» свидетель...

Немецкий профессор О. Фёрстер, повидавший на своем веку немало знаменитых пациентов, познакомился с Влади-

---

<sup>11</sup> Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 84–85.

<sup>12</sup> Ленин всегда с нами. С. 94–95.

миром Ильичем в 20-е годы. «Всякий, не принимавший личного участия, – рассказывает он, – в великом деле Ленина, попадал, как только сталкивался с ним, под магическое действие его мощной личности... И мне довелось испытать на себе прикосновение его сильного духа...

И теперь он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими эластичными движениями, со своим великолепным закругленным, как своды мощного здания, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять прицел на мир, всегда лился искрящийся поток ума...

Его мимика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание»<sup>13</sup>.

Характеристики внешности Владимира Ильича, оставленные современниками, сложны и противоречивы. Но еще более сложна другая проблема – рассказ о духовном облике Ленина. «...Ни один портрет не даст подлинного физического образа Владимира Ильича, не покажет его таким, каким он был в действительности, тому, кто не знал и не видел его никогда, – заметила как-то Л. А. Фотиева, наблюдавшая дни ежедневно на протяжении многих лет. – Еще во много раз труднее нарисовать духовный образ Ленина... Только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знав-

---

<sup>13</sup> Правда. 1925. 21 янв.

ших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать этот образ»<sup>14</sup>.

Сегодня, хотя это и парадоксально звучит, мы знаем о Ленине несравненно больше, чем его современники. Выпущено 55 томов его Собрания сочинений, 40 томов «Ленинских сборников», 14 томов «Декретов Советской власти», 12 томов «Биографической хроники», сотни сборников воспоминаний. Во всех этих изданиях было опубликовано около 30 тысяч ленинских документов. И все-таки до недавнего времени примерно 6,5 тысячи оставались лежать в архиве. Из них около 3 тысяч – официальные документы, лишь подписанные Лениным. Около 2 тысяч – так называемые «маргиналии» – пометки, подчеркивания на книгах, газетах, чужих письмах и т. д. И все-таки около тысячи его писем, записок и резолюций – весьма содержательны. Недавно опубликован целый том такого рода наиболее интересных ленинских документов – более 400, считавшихся ранее «совершенно секретными»...

Но удивительное дело: чем больше этой литературы выходит в свет, тем острее становятся сами проблемы анализа жизни и деятельности Ленина. На смену старым мифам приходят новые. И дело тут не столько в «загадочности» его фигуры, сколько в уже упомянутой излишней «политизации» и авторов, и проблем.

В свое время, работая над «Государством и революцией»,

---

<sup>14</sup> Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967. С. 136.



Ленин писал о Марксе и Энгельсе:

«Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его»<sup>15</sup>.

Та же судьба ждала Ленина...

На смену иконам Богородицы с младенцем и изображениям государя императора с наследником, а то и рядом с ними, в «красных углах» российских изб появились портреты Ленина. Образ его, как бы отделившись от реальной личности, становится своего рода символом новой эпохи, «новой веры», борьбы бедных против богатых за справедливость. И для миллионов он превращается в объект чуть ли не религиозного поклонения.

Вот почему в СССР любой серьезный государственный акт, как и любой политический лидер, получали легитимизацию лишь при «благословении» его Лениным. И по табели о рангах каждый лидер значился либо «верным учеником», либо «славным продолжателем» его дела. И кстати, вот поче-

---

<sup>15</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5, 6.

му искать корни проблем дня сегодняшнего в прошлых деяниях Ленина по меньшей мере недобросовестно, ибо это уже совсем другая история. Это то же самое, что винить Христа в крестовых походах и кострах инквизиции, хотя и в том и в другом случае клялись словом и именем Божиим.

«Когда временами в истории человечества, – размышлял Кржижановский, – появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей... Приходится, по-видимому признать, что общее определение гениальности – неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я, – заключает Кржижановский, – и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала»<sup>16</sup>.

Дать лишь «некоторый материал» для размышлений, некоторые, может быть, малоизвестные, но важные детали биографии, «штрихи к портрету» великого Ленина – на большее не претендует и эта книга...

И все-таки... Какого же цвета были глаза у Ленина и, мо-

---

<sup>16</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 9–10.

жет быть, действительно был он «огненно-рыж»?

Объективное свидетельство есть.

В 1895 году жандармские чины составили словесный портрет лидера «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ульянова: «Рост 2 арш. 5'/г вершков (166,7 см. – *В. Л.*), телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, *волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины*»<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> Красный архив. 1934. № 1(62). С. 139.

# Глава 1

## Начало пути

### У корней родословного древа

«Биографическая хроника В. И. Ленина» начинается с записи: *«Апрель, 10 (22).*

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича – Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем – директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина – Мария Александровна была дочерью врача А. Д. Бланка».

Любопытно, что сам Ленин многих деталей своей родословной не знал. В их семье, как и в семьях других «разночинцев», было как-то не принято копаться в своих «генеалогических корнях». Это уж потом, после смерти Владимира Ильича, когда интерес к подобного рода проблемам стал расти, этими изысканиями занялись его сестры. Поэтому, когда в 1922 году Ленин получил подробную анкету партпереписи, на вопрос о роде занятий деда с отцовской стороны искрен-

не ответил: «Не знаю»<sup>18</sup>.

Дед, прадед и прапрадед Ленина действительно были крепостными. Прапрадед – Никита Григорьевич Ульянин – родился в 1711 году. По ревизской сказке 1782 года он с семьей младшего сына Феофана был записан как дворовый человек помещицы села Андросова Сергачской округи Нижегородского наместничества Марфы Семеновны Мякининой.

По той же ревизии его старший сын Василий Никитич Ульянин, 1733 года рождения, с женой Анной Семионовной и детьми Самойлой, Порфирием и Николаем проживали там же, но числились дворовыми корнета Степана Михайловича Брехова.

По ревизии 1795 года дед Ленина Николай Васильевич, 25 лет, холостой, поначалу проживал с матерью и братьями в том же селе, но значились они уже дворовыми людьми подпрапорщика Михаила Степановича Брехова.

Значиться он, конечно, значился, но в селе его уже не было...

В Астраханском архиве хранится документ – «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний помещичьих крестьян», где под номером 223 записан «Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии, Сергачской округи, села Андросова, помещика Степана Михайловича Брехова крестьянин. Отлучился в 1791 году». Беглым он был или отпущенным на оброк и

---

<sup>18</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 510.

выкупившимся – точно неизвестно, но в 1799 году в Астрахани Николая Васильевича перевели в разряд государственных крестьян, а в 1808 году приняли в мещанское сословие, в цех ремесленников-портных.

Сохранились и его приметы: «Ростом 2-х аршин и 6 вершков (168,9 см. – *В. Л.*), волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие...»<sup>19</sup> Сопоставьте эти приметы с полицейской справкой о Ленине, и вы увидите – «в кого пошел» внук.

Избавившись от крепостной зависимости и став свободным человеком, Николай Васильевич сменил фамилию «Ульянин» на «Ульянинов», а затем «Ульянов». Вскоре он женился на дочери астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова – Анне Алексеевне, которая родилась в 1788 году и была моложе мужа на 18 лет.

Исходя из некоторых архивных документов, писательница Мариэтта Шагинян выдвинула версию, согласно которой Анна Алексеевна – не родная дочь Смирнова, а крещеная калмычка, вызволенная им из рабства и удочеренная якобы лишь в марте 1825 года. Бесспорных доказательств этой версии нет, тем более что уже в 1812 году от этого брака родился сын Александр, умерший 4 месяцев от роду, в 1819 году на свет появился сын Василий, в 1821-м – дочь Мария, в 1823-

---

<sup>19</sup> Правда. 1982. 2 ноября. Подробнее см.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С. 78–79.

м – Феодосия и, наконец, в июле 1831 года, когда отцу было уже за 60, – сын Илья.

Поселились они в Астрахани, у Волги, на так называемой Косе, на бывшей Казачьей улице в двухэтажном доме с кирпичным низом и деревянным верхом. Вместе с ними всю жизнь проживала и сестра Анны Алексеевны – Татьяна Алексеевна Смирнова, которую считали «крестной». И когда в 1837 году составляли списки рекрутского набора, мещанин Николай Ульянов и сыновья его Василий и Илья значились в них – *«коренного российского происхождения»*.

После смерти Николая Васильевича заботы по содержанию семьи и воспитанию детей легли на старшего сына Василия Николаевича. Работая в ту пору приказчиком известной в Астрахани фирмы «Братья Сапожниковы» и не обзаводясь собственной семьей, он сумел обеспечить в доме не только достаток, но и дал младшему Илье образование.

В 1850 году Илья Николаевич окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Казанского университета, а в 1854 году успешно закончил его, получив звание «кандидат физико-математических наук» и право преподавания в средних учебных заведениях. И хотя ему было предложено остаться при кафедре для «усовершенствования в научной работе» – и на этом настаивал знаменитый математик Н. И. Лобачевский, – Илья Николаевич предпочел «карьеру» учителя.

Первым местом его работы – с 7 мая 1855 года – стал Дво-

рянский институт в Пензе. Служба шла успешно. Его утвердили в должности старшего преподавателя математики старших классов, а в 1860 году наградили медалью «В память войны 1853–1856 годов» и дали чин титулярного советника.

В июле 1860 года сюда же на должность инспектора Дворянского института приехал Иван Дмитриевич Веретенников. Илья Николаевич подружился с ним и его женой, и в том же году Анна Александровна Веретенникова (урожденная Бланк) познакомила его с Марией Александровной Бланк, которая на зиму приезжала к сестре в гости. Илья Николаевич стал помогать Марии Александровне в подготовке к экзамену на звание учительницы, а она ему – в разговорном английском. Молодые люди полюбили друг друга, и весной 1863 года состоялась помолвка.

15 июля того же года, после успешной сдачи экстерном экзаменов при Самарской мужской гимназии, «дочь надворного советника девица Мария Бланк» получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языка». А в августе сыграли свадьбу, и «девица Мария Бланк» стала женой надворного советника – чин этот ему пожаловали тоже в июле 1863 года – Ильи Николаевича Ульянова.

Родословную семьи Бланк исследовали А. И. Ульянова, М. И. Ульянова, а в недавние годы М. С. Шагинян, А. Г. Петров, М. Г. Штейн, В. В. Цаплин и другие. Анна Ильинична



рассказывает: «Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре. Бабушка – мать матери – родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А. Д. Бланк, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем, что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти»<sup>20</sup>.

О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А. И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. «Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта»<sup>21</sup>.

«Молчать о нем абсолютно» – таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот «пусть будет известен когда-нибудь через

---

<sup>20</sup> Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.

<sup>21</sup> Там же. С. 78, 79.

сто лет»<sup>22</sup>.

Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков...<sup>23</sup>

Прадед, Моше Ицкович Бланк, родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Староконстантинова Волынской губернии под номером 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах – неизвестно. Впрочем...

Несколько лет тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт<sup>24</sup>. Где-то в середине 20-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки Владимира Ивановича Невского изучением родословной Ленина, обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является «незаконным сыном крупного минского чиновника», а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была – Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его к Каменеву, а затем втроем они явились к Бухарину. Показывая документ,

---

<sup>22</sup> Там же. С. 79.

<sup>23</sup> См. там же. № 2. С. 38–46.

<sup>24</sup> См.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной. С. 118.

Каменев буркнул: «Я всегда так думал». На что Бухарин ему ответил: «Что вы думаете – неважно, а вот что будем делать?» С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Итак, документ обнаружен где-то около 1925 года. Спустя 45 лет, в 1970 году, Оксман все-таки рассказал о нем итальянскому историку Франко Вентури. При этом присутствовал В. В. Пугачев, который спустя 25 лет, в 1995 году, опубликовал в Саратове свой рассказ о данном факте<sup>25</sup>.

Если Пугачев действительно запомнил дату документа точно, то никакого отношения к Моше Бланку вся эта история не имеет. В начале XIX века он был уже не мальчиком, а вполне зрелым мужем. Но надо учитывать и возможность того, что в многократный пересказ вкралась хронологическая неточность и мы имеем дело с «испорченным телефоном».

Так или иначе, но появился Моше Бланк в Староконстантинове будучи уже взрослым и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий видно, что Моше Бланк читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей и плюс к тому у местечка Рогачево арендовал 5 моргов земли, которые засеивал цикорием.

В 1794 году у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м – второй сын Сруль (Израиль). В. В. Цаплин отмечает, что с са-

---

<sup>25</sup> См.: Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С. 40–41.

мого начала у М. И. Бланка не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был «человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»<sup>26</sup>. Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году во время пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, М. И. Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад» он «отрекся от Евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834 году, принял христианство и получил имя Дмитрия лишь 1 января 1835 года.

Но поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Мойша) Бланк предлагал – в целях ассимиляции евреев – запретить им ношение национальной одежды, а главное – обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре 1846 года письмо это было доложено Николаю I и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850 году запретили ношение национальной одежды, а в 1854 году ввели соответствующий текст молитвы. М. Г. Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланков, справедливо заметил,

---

<sup>26</sup> Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 40.

что по неприязни к своему народу Дмитрия Бланка «можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В. А. Грингмутом...»<sup>27</sup>.

О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения, свидетельствовало и другое... Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и, когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены в него и успешно окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах «черты оседлости». И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбу молодых людей...

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» – правитель дел так называемого «Еврейского комитета» сенатор и поэт Дмитрий Осипович Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не симпатизировал, но довольно редкое в то время обращение двух «заблудших душ» в христианство было, по его мнению, делом благим, и он согласился<sup>28</sup>.

---

<sup>27</sup> Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 39, 44, 46.

<sup>28</sup> См. там же. С. 43.

Братья сразу же поехали в Петербург и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. «Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге, – писали они, – и имея всегдашнее обращение с христианами Греко-российскую религию исповедающими, мы желаем ныне принять оную»<sup>29</sup>.

Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви Преподобного Сампсония в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоих братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль – Александром Дмитриевичем. Новое имя он получил в честь своего восприемника графа Александра Апраксина, а отчество – в честь восприемника Абеля сенатора Дмитрия Баранова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения князя Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и закончили в 1824 году, удостоившись ученого звания «лекарей 2-го отделения» и презента в виде карманного набора хирургических инструментов.

Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а первым местом работы Александра с августа 1824 года стала должность уездного врача в городе Поречье Смоленской губернии. Но в октябре 1825 года и он вернулся в Петербург, где был зачислен, как и его брат, в штат столичной полиции в

---

<sup>29</sup> Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 10; ср.: Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной.

качестве врача. В 1828 году А. Д. Бланка произвели в штаб-лекари. Пора было думать и о женитьбе...

Его крестный отец граф Александр Апраксин был в то время чиновником особых поручений министерства финансов. Так что Александр Бланк, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, в доме другого благодетеля – сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, – где бывал Пушкин и собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», он познакомился с братьями Грошопфами и был принят у них в доме.

Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Грошопф – прибалтийский немец, среди предков которого, происходивших из Северной Германии, был Э. Курциус – домашний учитель кайзера Фридриха III, а среди дальних потомков – генерал-фельдмаршал вермахта В. Модель<sup>30</sup>.

Работал Иван Федорович консулентом Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна – в девичестве Эстедт – была шведкой, лютеранкой, родители которой являлись состоятельными купцами и жили сначала в шведском городе Упсала, а потом переехали в Петербург. Детей в семье Грошопф было восемь: сыновья – Иоганн, служивший в русской армии, Карл –

---

<sup>30</sup> См.: *Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет*. Кн. 1. С. 52.

вице-директор в департаменте внешней торговли министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможней, и пять дочерей – Александра, Анна, Екатерина (по мужу – фон Эссен), Каролина (по мужу – Биуберг) и младшая Амалия<sup>31</sup>.

Познакомившись с этой семьей, А. Д. Бланк сделал предложение Анне Ивановне. Незадолго до этого она окончила пансион, владела несколькими языками и прекрасно играла на клавикордах. Именно в ее исполнении Александр Бланк впервые услышал полюбившуюся ему «Лунную сонату» Бетховена<sup>32</sup>.

Согласие на брак было получено, и уже 9 сентября 1830 года родился сын Дмитрий (покончил с собой в 1850 году 19 лет от роду, будучи студентом Казанского университета), 30 августа 1831 года – дочь Анна (по мужу – Веретенникова), 20 августа 1832-го – Любовь (по первому мужу – Ардашева, а по второму – Пономарева), 9 января 1834-го – Екатерина (по первому мужу – Алехина, по второму – Залеская), 22 февраля 1835-го – Мария (по мужу – Ульянова) и 24 июня 1836-го – Софья (по мужу – Лаврова)<sup>33</sup>.

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал тысячу рублей в год. За «расторопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831 года во время «холерных бес-

---

<sup>31</sup> См.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 102, 104, 111.

<sup>32</sup> См. там же. С. 53.

<sup>33</sup> См. там же. С. 75, 111.



порядков» в столице взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежуривший в Центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла А. Д. Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле 1833 года он вновь поступил на службу ординатором в больницу Св. Марии Магдалины, предназначенную для бедноты заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь в 1838 году у него лечился Тарас Шевченко. Одновременно, с мая 1833 года по апрель 1837 года, А. Д. Бланк служил и в Морском ведомстве. В 1837 году после сдачи экзаменов он был признан инспектором врачебной управы, а в 1838-м медико-хирургом<sup>34</sup>.

Расширялась и частная практика А. Д. Бланка. Среди его пациентов появились представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, принадлежавшего лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Виллие. Именно здесь в 1835 году родилась М. А. Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед – адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года – шталмейстер императорского двора Иван Дмитриевич Чертков<sup>35</sup>.

Слухи и сплетни о близости Марии Александровны ко двору породили в последние годы обширную литературу, в

---

<sup>34</sup> См. там же. С. 71, 72, 73, 77.

<sup>35</sup> См.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 20, 75, 76.

которой «маститые» авторы расписывали историю о том, как красавица Машенька стала любовницей императора Александра III (по другим версиям – великого князя), как родила она от государя сына Александра, после чего и была выдворена со всем семейством из столицы в Казанскую губернию. Для читателей, уже привыкших к пошлости, звучит все это вполне романтично и убедительно. Одна беда – Машенька покинула Петербург, когда ей исполнилось *шесть* лет. И со всем по другим обстоятельствам.

В 1840 году Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. А заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина Ивановна фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Не случайно родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти жены они сближаются еще больше, и в апреле 1841 года А. Д. Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки – с крестной матерью его дочерей и родной сестрой покойной супруги – закон не разрешал. И Екатерина Ивановна фон Эссен становится его гражданской женой<sup>36</sup>.

В том же апреле 1841 года они покидают столицу и всем семейством переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Именно здесь он познако-

---

<sup>36</sup> См. там же. С. 78.

мился с учителем латыни И. Д. Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны, и преподавателем математики А. А. Залежским, взявшим в жены Екатерину Бланк. Но это случилось позднее, а в марте 1843 года А. Д. Бланк стал заведовать госпиталем Юговского казенного завода, в сентябре 1845 года был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики, а с 21 мая 1846 года занял должность медицинского инспектора златоустовских госпиталей, где и закончилась его служба<sup>37</sup>.

В историю российской медицины А. Д. Бланк вошел как один из пионеров отечественной бальнеологии – лечения минеральными водами. На пенсию он вышел в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, дослужился до чина надворного советника, дававшего право на дворянство, и уехал с Урала в Казанскую губернию, где в 1848 году в Лаишевском уезде на его сбережения, а в основном на средства Екатерины Ивановны, было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами земли (503,6 га), водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами<sup>38</sup>. 4 августа 1859 года Сенат утвердил А. Д. Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания.

Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани,

---

<sup>37</sup> См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.

<sup>38</sup> См.: *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. М., 1929. С. 41.

а затем в Пензе, где познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым...

Их свадьбу, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине 25 августа 1863 года. Но «медовый месяц» оказался слишком коротким. 7 сентября там же в Кокушкине скончалась крестная мать и воспитательница Марии Александровны Екатерина Ивановна фон Эссен. Лишь после ее похорон молодожены 22 сентября уехали в Нижний Новгород, куда Илья Николаевич получил назначение старшим учителем математики и физики мужской гимназии.

## «Шестидесятники»

Все-таки неблагоприятное это занятие – собирать по веточкам «генеалогическое древо». Удовлетворяя законное любопытство, оно мало что объясняет...

И в самом деле, протягивая через столетия родственную нить, выводя одно поколение из другого, оно как бы вырывает судьбу каждого из контекста своего времени. И переносит центр тяжести на факторы чуть ли не генетические. А ведь конкретные обстоятельства и события того времени влияли на поступки, создавали альтернативы выбора пути, формировали образ жизни значительно сильнее, нежели кровно-родственное наследство.

19 июля 1831 года, когда протоиерей Николай Ливанов в астраханской церкви Николы Гостинного крестил Илию – второго сына Николая Ульянова и его законной жены Анны, – в этот год император Николай I пожелал, «чтобы крепостные дети отнюдь не были отдаваемы для воспитания в такие учебные заведения, в коих они могли бы получить образование, превышающее состояние их..

Когда же Илья Николаевич все-таки закончил гимназию и ее директор А. П. Аристов 10 июня 1850 года обратился к попечителю Казанского учебного округа с ходатайством об университетской стипендии для «даровитого мальчика», ему ответили, что для стипендии «происходящему из подат-

ного состояния» и «принадлежащего к мещанскому сословию... нет достаточного основания». И только помощь брата позволила И. Н. Ульянову закончить университет<sup>39</sup>.

18 февраля 1855 года император Николай I скончался. Профессор МГУ историк С. Соловьев, шагая по арбатским переулкам, размышлял: «Я не был опечален смертью Николая, но в то же время чувствовалось не по себе, примешивалось беспокойство, опасение; что, если еще хуже будет?! Человека вывели из тюрьмы, хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? – может быть, в другую, еще худшую тюрьму?»

Этот безрадостный внутренний монолог прервал повстречавшийся коллега – профессор Т. Грановский. Первым словом Соловьева вместо приветствия было: «Умер». Грановский ответил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с вами живы»<sup>40</sup>.

А. И. Герцен записал: «Свободной России мы не увидим... Мы умрем в сених, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов – сеченных кнутом и битых ба-тогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов-палачей, вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении,

---

<sup>39</sup> См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. Документальное повествование о семье Ульяновых, детстве и юности Владимира Ильича. М., 1985. С. 16, 17, 18.

<sup>40</sup> Там же. С. 27.

забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных заправил догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях»<sup>41</sup>.

На престол взошел император Александр II... И Н. А. Добролюбов в «Оде на смерть Николая I» написал:

*По неизменному природному закону,  
События идут обычной чередой:  
Один тиран исчез, другой надел корону,  
И тяготеет вновь тиранство над страной.*

И вдруг в 1856 году для непосвященных как гром среди ясного неба – обращение Александра II к московскому генерал-губернатору:

«Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я his имою намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»<sup>42</sup>.

---

<sup>41</sup> Там же. С. 20, 21.

<sup>42</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 19–20.

А через шесть лет после восшествия на престол – после долгих обсуждений в дворянских комитетах, чиновничьих ведомствах и Государственном Совете – 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, – с удовлетворением заявил он, – сделано». 5 марта манифест был обнародован, и по всей России во всех церквях звонили колокола и с амвонов возносились молитвы в честь «царя-освободителя».

Мало кто устоял... Признавая заслуги Александра II, Герцен вспомнил библейские слова: «Ты победил, галилеянин!» Даже такой радикал, как Чернышевский, написал: «Уничтожение крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире...» Надо было время, чтобы осознать и оценить происходящее...

Реформа косвенно затронула и семью Ульяновых. Имение А. Д. Бланка, куда летом приезжали все его дочери с семьями, тоже имело крепостных. Но, по свидетельству Анны Ильиничны Ульяновой, ненависти к хозяевам тамошние крестьяне не испытывали. Наоборот, как врач, принимавший больных со всех окрестных сел, Александр Дмитриевич пользовался всеобщим уважением. «Кокушкино, – рассказывает Анна Ильинична, – было благоприобретенное имение и поэтому между владельцами его и крепостными не могло быть тех отношений, которые складывались у родовитых помещиков, потомственно владевших крепостными ду-



шами»<sup>43</sup>.

После 1861 года реформы следовали одна за другой. Получили новый импульс для своего развития промышленность и сельское хозяйство. Появились невиданные ранее учреждения – суд присяжных, земства. К руководству образованием допустили общественность. Стали создаваться губернские и уездные училищные советы. Разрабатывались проекты массовой народной школы. А такие лучшие умы, как «отец русской педагогики» К. Д. Ушинский, уже стали мечтать о ликвидации в России неграмотности.

«...Вся Россия, – вспоминал великий бунтарь князь П. А. Кропоткин, – говорила об образовании. Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже в великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания, а как помочь всему этому... началось сильное движение для основания воскресных школ»<sup>44</sup>. Точное слово, характеризующее тогдашнее состояние умов, нашел поэт Тютчев: «Оттепель!»

Если попытаться вычленить некую общую идею, которая определяла умонастроения «шестидесятников», то таковой, видимо, следует признать идею «общего блага» как гармонии личных и общественных интересов. В конце 60-х ее

---

<sup>43</sup> Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

<sup>44</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34.

наиболее полно сформулировал в «Исторических письмах» Петр Лавров.

«Ясно понятые интересы личности, — писал он, — требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов... Истинная общественная теория требует не *подчинения* общественного элемента личному и не *поглощения* личности обществом, а *слития* общественных и частных интересов. Личность должна развить в себе понимание *общественных* интересов, которые суть и *ее* интересы; она должна направлять свою деятельность на внесение истины и справедливости в общественные формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремление, а самый близкий эгоистический *ее* интерес»<sup>45</sup>.

Именно убеждение в возможности торжества «истины и справедливости» питало социальный оптимизм «шестидесятников», их веру в силу просвещения и благие перемены.

Через всю эту полосу Великих Надежд прошел и Илья Николаевич Ульянов. В Пензе, где он работал с 1855 года, уже в ноябре 1860-го открыли воскресную школу — по общему счету всего лишь 59-ю в России. Ее учредили «для распространения грамотности в ремесленном и рабочем классе» и помимо русского языка и арифметики преподавали историю, географию и естественные науки. И вот, одновременно с работой в мужской и женской гимназиях, Илья Николаевич

---

<sup>45</sup> Лавров П. Л. Исторические письма. Изд. 5-е. Пг., 1917. С. 88.

становится учителем и распорядителем и этой школы<sup>46</sup>.

Но вслед за Великими Надеждами пришла и пора великих разочарований... История еще раз подтвердила, что во времена жестких правлений, когда даже малая надежда на послабление подавляется, неприятие режима, как правило, носит скрытый, латентный характер. Но когда «послабление» наступает, реформы уже не удовлетворяют слишком долго копившихся ожиданий и тогда недовольство выплескивается наружу. Короче говоря, если при «Николае Палкине» никто и пикнуть не смел, то при «Александре Освободителе» ждать и терпеть никто уже не желал.

Первыми негативно оценили «Великую реформу» сами крестьяне. Они сочли себя обманутыми, и полоса бунтов прокатилась по России...

«При освобождении крестьян, – свидетельствует А. И. Ульянова, – дед советовал им пойти на выкуп, но они не послушали его совета, предпочитая дарственную землю. Мой отец И. Н. Ульянов рассказывал мне о том, как волновало дедушку принятое крестьянами решение, как он несколько раз выходил к крестьянам, убеждая их пойти на выкуп, но крестьяне, очевидно, как говорил мой отец, внимая распускаемым в то время слухам о том, что земля должна отойти вся бесплатно, не послушали его»<sup>47</sup>.

В Кокушкине обошлось... А вот в селе Бездна той же Ка-

---

<sup>46</sup> См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34, 35.

<sup>47</sup> Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

занской губернии уже в апреле 1861 года вспыхнули волнения, и, усмиряя их, генерал граф Апраксин расстрелял около ста крестьян. Убитые и раненые были и в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии, где войска также стреляли в крестьян, выступивших под лозунгом «Земля вся наша!».

В ответ – в университете и Духовной академии Казани – начались волнения студентов. На устроенной ими демонстративной панихиде по убиенным профессор истории Афанасий Щапов – он умрет в сибирской ссылке – сказал, что своим подвигом бездненские крестьяне разрушили предрассудок, будто русский народ «неспособен к инициативе политических движений»<sup>48</sup>.

Помимо репрессий летом 1861 года правительство разрабатывает новые «Правила...», уничтожавшие всякие университетские «вольности». Но осенью, с началом занятий, начинаются массовые стачки протеста и демонстрации в Петербургском и Московском университетах. Власти проводят повальные аресты, участников беспорядков бросают в Петропавловскую крепость, исключают из университетов, высылают в Сибирь.

«Куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. – пишет Герцен. – *В народ, к народу!* – вот ваше место, изгнанники науки, покажите... что из вас выйдут не *подьячие*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа

---

<sup>48</sup> Красный архив. 1923. № 4. С. 409.

русского!»<sup>49</sup>

«Народ царем обманут!» – заявлял издававшийся в Лондоне «Колокол» и звал молодежь к отпору и революционному действию. И в самом Петербурге той же осенью 1861 года появляется составленная публицистом «Современника» Н. В. Шелгуновым прокламация «К молодому поколению». В ней говорилось: «Государь обманул ожидания народа – дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и которая ему нужна... Мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если иначе нельзя... мы зовем охотно революцию на помощь народу»<sup>50</sup>.

В 1861 году из сибирской ссылки – через Японию и Америку – бежал ставший анархистом Михаил Бакунин. «Мы понимаем революцию, – писал он, – в смысле разнуздания того, что *теперь* называется дурными страстями, и разрушение того, что *на том же языке* называется естественным порядком».

Надо было прожить сначала всю полосу шумных славословий в честь освобождения и свободы, а затем – ощущение полного, бесстыдного обмана всех надежд, чтобы понять степень ожесточения молодежи...

В 1862 году сын генерала, талантливый юноша П. Г. Зайцевский в прокламации «Молодая Россия» писал, что только «революция, революция кровавая и неумолимая», а за ней

---

<sup>49</sup> Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. XV. С. 175.

<sup>50</sup> История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 27.

диктатура революционной партии, захватившей власть, способна дать народу истинную свободу. Ради этого он был готов уничтожить сто тысяч помещиков, и прежде всего «императорскую партию»: «Когда будет призыв «в топоры», тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»<sup>51</sup>.

Илья Николаевич Ульянов был весьма далек от подобного рода умонастроений и, как свидетельствует Анна Ильинична, не одобрял «разную болтовню», внушавшую крестьянам мысль о переделе земли<sup>52</sup>. Ненавидя до глубины души крепостничество во всех его проявлениях, он, как и многие другие представители поколения русских «шестидесятников», твердо верил в то, что после отмены рабства только просвещение и европеизация России смогут принести общее благоденствие и благосостояние.

Поэтому, когда его же ученики уже начинали помышлять о революционном терроре, Илья Николаевич лишь с еще большей энергией отдавался делу народного образования, и в частности Пензенской воскресной школе...

---

<sup>51</sup> История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. С. 27, 28.

<sup>52</sup> См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

«....Эти люди в полушубках, чуйках, армяках, пестрядинных и китайчатых халатах, с черными мозолистыми руками, с испачканными лицами, с запахом и цветом, напоминающими ясно ремесло каждого, – писал в эти годы К. Д. Ушинский, – собрались сюда не шутку шутить, не из пустого любопытства, а собрались дело делать и... это дело, для которого они пожертвовали несколькими часами единственно свободного дня своей трудовой недели, кажется им не только делом полезным, серьезным, но каким-то святым, каким-то религиозным делом»<sup>53</sup>.

Вот и в Пензе педагоги не могли нарадоваться на своих подопечных, которые своим отношением к учебе намного превосходили гимназистов. Но в 1862 году очередь дошла и до них. 10 июня последовало Высочайшее повеление Александра II:

«Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням равным образом обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического

---

<sup>53</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34–35.

учения». А посему государь император повелел: «Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни»<sup>54</sup>.

В июне 1862 года соответствующий циркуляр министра внутренних дел был вручен Илье Николаевичу, школу закрыли, а в августе следующего года – после свадьбы – он с женой уехал в Нижний Новгород. Город был большой, богатый, с совершенно иной, нежели в Пензе, интеллектуальной средой. Появились дети. 14 августа 1864-го родилась дочь Анна. Еще через полтора года – 31 марта 1866-го – сын Александр... Но вскоре – горестная утрата: появившаяся на свет в 1868-м дочь Ольга, не прожив и года, заболела и 18 июля в том же Кокушкине умерла...

Появились и новые друзья. Молодых учителей поселили на казенных квартирах в «красном флигеле» во дворе Дворянского института. Особенно подружились Ульяновы с семьями В. А. Ауновского и В. Н. Захарова, которых тоже перевели в Нижний из Пензы. По вечерам, уложив детей спать, собирались, беседовали, музицировали. Впрочем, Илья Николаевич все с той же полной самоотдачей уходил в работу. Дела по службе шли нормально. В ноябре 1865 года он получил свой первый орден – Святой Анны 3-й степени. Стал преподавать не только в Дворянском институте, но и в гимназии, на курсах лесных таксаторов, набирал уроки. И каж-

---

<sup>54</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 37.



дый раз, когда приносил жалованье, Мария Александровна тщательно, до мелочей расписывала бюджет на весь месяц. Надо было строить дом, воспитывать детей, помогать астраханским родственникам... Но пензенский период его жизни напомнил о себе и здесь, в Нижнем...

В апреле 1866 года газеты сообщили о неслыханном – первом в истории России покушении революционеров на государя императора.

4-го числа в Санкт-Петербурге, когда в четвертом часу пополудни Александр II, закончив прогулку по Летнему саду, направлялся к экипажу, неизвестный выстрелил в него из пистолета. Но стоявший рядом крестьянин Комиссаров толкнул его под руку, и пуля пролетела мимо государя. Набравшая толпа сбила стрелявшего с ног, стала бить, а он, закрываясь от ударов, повторял: «Что вы со мной делаете, дурачье?! Я же за вас, за вас! На пользу русскому мужику»<sup>55</sup>.

Князь Петр Кропоткин рассказывал: «После... выстрела 4 апреля 1866 года Третье отделение стало всесильным. Заподозренные в «радикализме» – все равно, сделали они что-нибудь или нет, – жили под постоянным страхом. Их могли забрать каждую ночь за знакомство с лицом, замешанным в политическое дело, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за «опасные убеждения». Арест же по политическому делу мог означать все, что хотите: годы заключения в Петропавловской крепости,

---

<sup>55</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 58.

ссылку в Сибирь или даже пытку в казематах»<sup>56</sup>.

А уже через несколько дней следственной комиссии стало известно, что преступник – дворянин Дмитрий Владимирович Каракозов, 1840 года рождения, проживал до 1860 года в Пензе, где учился в гимназии. В ней и в пензенском Дворянском институте учились и многие другие участники подпольного кружка, организованного в Москве двоюродным братом Каракозова – Николаем Ишутиным.

Для Ульяновых начались томительные дни ожидания и страха. Они знали и Каракозова, и Ишутину, но при допросах тот и другой Илью Николаевича не упомянули. А вот его ученик по Дворянскому институту Н. П. Странден в ходе следствия показал, что с Ульяновым был знаком. В деле фигурировало и рекомендательное письмо Ильи Николаевича, данное им другому подследственному с целью облегчить подателю поступление в Московский университет.

На запрос следственной комиссии по поводу преподавателей пензенского Дворянского института и гимназии, обучавших будущих заговорщиков, жандармы ответили, что наиболее «вредным» и «опасным» человеком, оказавшим пагубное влияние на воспитанников, является учитель словесности В. Н. Захаров, у которого учились, а одно время квартировали Каракозов и Ишутин. Ульянов упомянут не был, хотя и он недолго снимал квартиру у Захарова и именно от него принял воскресную школу.

---

<sup>56</sup> Там же. С. 54–55.

Так или иначе, но на допрос Илью Николаевича не вызывали, и все вроде бы обошлось...

«Спасителю государя» Комиссарову даровали дворянство, возможность задаром пить водку в кабаках, а Каракозов 3 сентября 1866 года был повешен. Ишутина здесь же у виселицы «помиловали» и заменили веревку бессрочной каторгой в Сибири, где он сошел с ума и в 1879 году умер. Ав 1892 году, в состоянии запоя, повесился Комиссаров.

Среди многочисленных арестованных, прямо или косвенно причастных к этому делу, было немало столичных знаменитостей, таких, как издатель «Русского слова» Г. Благодетель, поэты В. Курочкин и Д. Минаев, критик В. Зайцев... И скромный, ранее ничем не скомпрометировавший себя нижегородский учитель математики и физики, видимо, выпал из поля зрения «недреманного ока» Третьего отделения.

А жизнь продолжала идти своим чередом. По-прежнему каждое утро Илья Николаевич уходил в гимназию, возвращался поздно. На гимназическом чердаке он устроил обсерваторию и установил телескоп. Отсюда ученики его всматривались в вечернее звездное небо. Для кабинета физики купили действующую модель паровоза, дабы убедились дети, что нет в «чугунке» нечистой силы.

Росли и свои дети – Анна и Александр, родившийся за четыре дня до выстрела Каракозова. В июле 1867 года Илья Николаевич получил новый чин – коллежского советника, по табели о рангах – никак не ниже майора. И все-таки работа

в гимназии, особенно после опыта воскресной школы, полного удовлетворения не приносила. Он мечтал о ниве подлинно народного просвещения. Поэтому, когда его астраханский учитель словесности, а теперь инспектор Казанского учебного округа Александр Васильевич Тимофеев написал, что в Симбирске открылась вакансия инспектора губернских народных училищ, Илья Николаевич сразу дал согласие.

# Симбирск

Мария Александровна с детьми поехала в Астрахань проведать ульяновских родственников, а Илья Николаевич направился в Симбирск устраиваться и подыскивать жилье. Назначение его на новую должность состоялось 6 сентября 1869 года, и вся семья, переехав в Симбирск, поселилась на Стрелецкой улице, сняв флигель во дворе дома Прибыловской. А вскоре, 10 (22) апреля 1870 года, здесь родился сын Владимир...

16 апреля священник Василий Умов и дьячок Владимир Знаменский крестили новорожденного. Крестным стал управляющий удельной конторой в Симбирске действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко, а крестной – мать сослуживца Ильи Николаевича коллежская асессорина Наталия Ивановна Ауновская<sup>57</sup>.

Симбирск был в то время тихим провинциальным городком, насчитывавшим чуть более 40 тысяч жителей, из которых 57,5 процента значились мещанами, 17 процентов – военными, 11 – крестьянами, 8,8 – дворянами, а 3,2 процента – купцами и почетными гражданами. Соответственно и город делился на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. В дворянской были керосиновые фонари и дощатые тротуары, а в мещанской держали по дворам всякую скотину, и жив-

---

<sup>57</sup> См.: Ленин и Симбирск. Саратов, 1986. С. 36.

ность эта, вопреки запретам, разгуливала по улицам.

Помимо заводиков – водочного, пивомедоваренного, винокуренного, воскосвечного и мукомольного – в Симбирске функционировали две гимназии: мужская и женская, кадетский корпус, духовное училище и семинария, фельдшерская школа и ремесленное училище, чувашская учительская школа и татарское медресе, несколько приходских школ, а также большая Карамзинская библиотека, народная библиотека имени Гончарова и, наконец, театр.

Можно сколько угодно спорить о приметах, верить в них или нет, но факт остается фактом – квартиру Ульяновы сняли рядом с тюрьмой. «Бледные, обросшие, какие-то дикие лица, – вспоминала Анна Ильинична, – глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей... Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах... как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна»<sup>58</sup>.

Летом мать вывозит детей в Кокушкино – на дачу к де-

---

<sup>58</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 62.

ду. Анна Ильинична вспоминает «высокого худого старика, с сильной проседью в черных волосах, с ясными и живыми черными глазами, обычно ласково относившегося к нам, внучатам, и баловившего нас. В последнее лето помню, как он поднялся раз по лестнице в мезонин кокушкинского дома, где помещалась с нами мать, и как мать моя поднесла и показала ему нового внука, брата Володю, родившегося весной этого года. Вероятно, дед осматривал ребенка с точки зрения врача»<sup>59</sup>.

И в это же лето – 17 июля 1870 года Александр Дмитриевич Бланк умер. Похоронили его в трех верстах от Кокушкина, на кладбище приходской церкви села Черемышево рядом с могилой Екатерины Ивановны фон Эссен. Еще через год, в 1871-м, умерла и астраханская бабушка Анна Алексеевна – мать Ильи Николаевича.

А семья продолжала расти. 4 ноября 1871 года родился четвертый ребенок – дочь Ольга. Родившийся в следующем году сын Николай умер, не прожив и месяца. 4 августа 1874-го на свет появился сын Дмитрий, а 6 февраля 1878-го дочь Мария. Шестеро детей... Ни о какой «светской жизни», а тем более об учитель-ствовании Марии Александровне думать уже не приходилось. После переезда в Симбирск и рождения Володи кроме кухарки Насти в дом взяли няню – старую солдатку из села Лутовни Пензенской губернии Варвару Григорьевну Сарбатову. Если учесть, что у Ульяновых часто «го-

---

<sup>59</sup> Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

стевали» сестры Марии Александровны и их дети, то станет очевидным, что работы хватало всем.

С первых же дней Илья Николаевич целиком погрузился в круг своих новых обязанностей. Казалось, исполнилась его мечта: действительно народные сельские школы, которые надо строить, расширять, разрабатывать новые учебные планы, внедрять новейшие методы обучения и воспитания. Но все началось с разочарований...

По всем официальным отчетам, в губернии значилось 460 сельских школ. Это воспринималось как свидетельство просвещенности местного дворянства, и симбирцев повсюду хвалили и ставили в пример. Однако первые же инспекторские объезды Ильи Николаевича показали, что нормально функционирует лишь 89 школ. Остальных либо не было вообще, либо они прекратили свое существование из-за отсутствия учителей или помещений<sup>60</sup>.

Разочарование, однако, не привело к утрате интереса к делу. Наоборот, этот немолодой и физически не очень-то здоровый человек проявил уйму энергии и полное самоотречение. Валериан Никанорович Назарьев, помещик Симбирского уезда, известный по тем временам публицист, писал об Ульянове: «Сидишь, бывало, в теплой комнате с книгой в руках, тревожно прислушиваясь к нестерпимому завыванию метели, гуляющей по степным раздольям и уже третьи сутки

---

<sup>60</sup> См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. М., 1985. С. 20.



не выпускающей мужика из избы. Вдруг под самым окном звучит колокольчик. Хозяин спешит в прихожую встречать неожиданного гостя.

– Не изумляйтесь, Валериан Никанорович. Сейчас оттаю, стяну тулуп – и признаете Ульянова, вашего покорнейшего слугу. Уже четвертую неделю путешествую.

Назарьев видит перед собой занесенного снегом, с обледеневшими бакенбардами и посиневшим от холода лицом инспектора народных училищ.

– Илья Николаевич, Боже милостивый! Вот это славно! Сейчас и обогреем и успокоим скитальца.

Начинаются хлопоты по приему гостя. Ульянов ходит тем временем по комнате, разминая заочеченные ноги, и ведет разговор о школьных делах, о своих заботах и надеждах. Продолжает об этом говорить во время чая, обеда, вечера. Вас клонит ко сну, а инспектор все говорит о школе. И первые слова, которыми он вас встречает поутру, – все та же школа...»

И далее Назарьев пишет об Ульянове: «Как птица божья, он никогда не помышлял о чем-нибудь житейском, предоставляя это жене, никогда не унывал, не жаловался и безропотно продолжал скакать по губернии, на целые месяцы оставляя семью, продолжал голодать, угорать на съезжих, рисковать жизнью, распинаться на земских собраниях или сельских сходах богатых торговых селений, среди равнодушной толпы мироедов, выпрашивая гроши, он утешал при-

унывших учителей и плаксивых учительниц, чтобы, возвратившись наконец в город, тотчас же бежать на свои педагогические курсы, при всей окружающей его неурядице, при постоянном физическом и моральном утомлении, при вечной войне с разжиревшими и явно глумившимися над ним волостными старшинами, писарями и плутами подрядчиками, он умудрялся не только удерживать в своих руках врученный ему светильник, но наперекор всему, в одном нашем уезде, вместо бывших номинально, организовать до 45 сельских школ...»<sup>61</sup>

Сам Илья Николаевич, глубоко осознанно исполнявший свой долг, отнюдь не считал себя жертвой. Он строил школы, добывал буквари и дрова, подбирал новых молодых учителей, добивался повышения им жалованья... И считал все тяготы своей работы лишь неминуемой платой за осуществление своего сокровенного желания: быть полезным народу в его стремлении избавиться от тьмы и невежества<sup>62</sup>.

Его хвалили. А. Д. Пазухин, предводитель дворянства Алатырского уезда, писал «с благодарностью о неутомимой деятельности... уважаемого И. Н. Ульянова. Благодаря его стараниям и энергии учреждались новые школы, открывались учительские съезды. Своим влиянием и примером он привлекал к делу народного образования людей, относив-

---

<sup>61</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 83–84.

<sup>62</sup> См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 85.

шихся прежде к этому делу безучастно»<sup>63</sup>.

25 ноября 1871 года Ульянов получил высокий чин – статского советника, а 22 декабря 1872-го – орден Святого Станислава 2-й степени. 1874 год стал пиком его карьеры: 11 июля Илью Николаевича назначили директором народных училищ Симбирской губернии, 21 декабря наградили третьим орденом – Святой Анны 3-й степени. В декабре 1877 года ему был присвоен чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому званию и дававший права потомственного дворянства. Но, как напишет позднее Мария Ильинична, «для него были важны не чины и ордена, а... процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил»<sup>64</sup>.

Впрочем, повышение жалованья позволило реализовать давнюю мечту. Сменив с 1870 года шесть наемных квартир и скопив необходимые средства, Ульяновы 2 августа 1878 года за 4 тысячи серебром купили, наконец, собственный дом у вдовы титулярного советника Екатерины Петровны Молчановой на Московской улице в приходе Благоявления Господня. Был он деревянным, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. А позади двора, заросшего травой и ромашкой, раскинулся прекрасный сад с серебристыми тополями, толстыми вязами, желтой акацией

---

<sup>63</sup> Там же. С. 77.

<sup>64</sup> Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 24.

и сиренью вдоль забора...

Комнаты распределили так: внизу кабинет Ильи Николаевича, гостиная, столовая, проходная комнатка Марии Александровны и отдельная – со своим входом – у няни. В антресолях по маленькой комнатке получили Саша, Аня и Володя, а на трех младших пришлась одна общая – «детская»<sup>65</sup>.

«Обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, – вспоминала Анна Ильинична, – многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер»<sup>66</sup>. Но в доме был шредерский рояль, хорошая научная и художественная библиотека, а место картин на стенах занимали большие географические карты.

От самого раннего детства воспоминаний осталось немного... Кроме рассказов отца запомнил Владимир и рассказы о деревне няни Варвары Григорьевны. Много лет спустя, когда Крупская стала носить очки, он вдруг сказал:

– Очки чистые должны быть. Дай я тебе их протру. Я няне моей всегда очки протирал...

– Не забыл ее всю жизнь Владимир Ильич, – заметила Надежда Константиновна<sup>67</sup>.

---

<sup>65</sup> См.: Ленин и Симбирск. С. 233–234.

<sup>66</sup> Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 25.

<sup>67</sup> См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина (хранится в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94). С. 42.

Запомнилось и то, как, едва научившись читать, стал сам ходить в Карамзинскую библиотеку. По дороге на улице гуляли гуси. Владимир начинал дразнить их, а они, вытянув шеи, начинали наступать на него... И тогда он ложился на спину и отбивался ногами...

– Почему же не палкой? – спрашивал Николай Веретенников.

– Палки под рукой не было... Впрочем, все это пустяки, дурачество<sup>68</sup>.

Из больших событий запомнилась русско-турецкая война 1877–1878 годов. Все ее перипетии обсуждали не только взрослые, но и дети. Ровесник Владимира, а потом и его одноклассник, вспоминал: «Без всяких газет, лишь вчера научившись читать и писать, мы все же знали многое про героические подвиги русской армии, друг другу с жаром пересказывая все слышанное, а больше подслушанное: про знаменитую Дунайскую переправу, тяжкую Шипку, неприступную Плевну... С языка, бывало, не сходили прославленные имена Скобелева, Гурко, Радецкого, Дубасова и др., вырезали, собирали их портреты».

Запомнился и приход в Симбирск большой партии пленных турок. И некоторых из наиболее воинственных «патриотов» крайне удивило при этом, что жители города не проявили по отношению к туркам никакой злобы и встречали их «отнюдь не враждебно». Но главным событием 1878 года

---

<sup>68</sup> См. там же. С. 47.

стало торжественное вступление в Симбирск вернувшегося с войны боевого пехотного Калужского полка. Все население высыпало на улицы, звонили колокола, играли оркестры, люди плакали, целовались, кричали «Ура!», пели «Боже, царя храни...»<sup>69</sup>.

Но Владимир хорошо запомнил и другое: как на протяжении всей войны его любимая няня, «у которой родственники были взяты на войну и некоторые из них там убиты, постоянно с плачем говорила: «Русская кровь зря льется из-за каких-то нам чужих, проклятых болгар. На что они нам, у нас самих забот по горло». И «насколько помню», рассказывал позднее Ленин, с мнением няни «совпадало отношение к этой войне и моих родителей...»<sup>70</sup>

Ульяновы в этом отношении не были исключением. Ровесник Владимира князь Владимир Оболенский, проживавший в это время в Смоленской губернии, тоже вспоминал, как в их семье, собираясь щипать корпию для раненых, «рассказывали о хищениях интендантов, о замерзших на Шипке солдатах, для которых не было заготовлено теплых вещей, о том, как великий князь Николай Николаевич (старший), чтобы сделать Государю сюрприз в его именины, штурмовал Плевну и положил при этом бессмысленном штурме огромное количество солдат, и т. д. По случаю этого эпизода по

---

<sup>69</sup> *Наумов А. Н.* Мои воспоминания: В 2 т. Т. 1. Париж; Нью-Йорк, 1954. С. 31, 32.

<sup>70</sup> *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... М., 1993. С. 410.

рукам ходило стихотворение, начинавшееся так:

*Именинный пирог из начинки людской  
Брат подносит державному брату...»<sup>71</sup>*

Если бы кто-то захотел доказать, что главным в воспитании детей являются не «педагогические» нравоучения, не разговоры о добродетели и уж тем более не наказания, а прежде всего та особая повседневная атмосфера семьи, определяемая главными жизненными ценностями, которых искренне придерживаются родители, то лучшего объекта исследования, наверное, не надо было и искать.

От отца исходило, может быть, самое важное: признание абсолютной ценности знания и отношение к труду, направленному не на личные, сугубо меркантильные интересы, а на общее благо. Детям не надо было долго объяснять и то, что такое честность и порядочность. Пример Ильи Николаевича стоял перед глазами. А отношение матери к его беззаветному служению своему долгу – делу народного просвещения – еще больше укрепляло силу воздействия отцовского примера.

Каждый раз после его возвращения из поездок вся семья собиралась в гостиной, и Илья Николаевич живописал свои наблюдения о крестьянской жизни и быте, произволе всяческого начальства, о случайно услышанных разговорах или

---

<sup>71</sup> Оболенский В. А. Очерки минувшего. Белград, 1931. С. 42.

выступлениях на сельских сходах... И, помимо прочего, это воспитывало в детях такое чувство, как сострадание – умение воспринимать чужие беды и чужое горе, как свое собственное.

Одним из первых стихотворений, выученным Володей наизусть, была «Песня бобыля» И. С. Никитина. И когда собирались гости, он с большим задором – плохо выговаривая, как и отец, букву «р» – декламировал:

*Богачудур-р-аку  
И с казной не спится;  
Бедняк гол как сокол,  
Поет-веселится.*

В гимназическом сочинении старший сын Александр напишет: «Для полезной деятельности человека нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание.

Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела... Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим



чувством собственной выгоды»<sup>72</sup>. Так что уроки отца даром не пропали.

Что касается матери, то от нее шло и другое начало – то, которое некоторые биографы Ленина называют порой «немецкий педантизм». Но вряд ли это определение верно. Скорее это понимание того, что человек сможет сделать нечто большое и значительное лишь в том случае, если он не потратит жизнь на безалаберную суету, а сумеет организовать свое время и стать его хозяином.

Важным элементом такого воспитания она считала, в частности, жесткий распорядок дня. Дети вставали в 7 часов. Убирали свои кровати. Затем утренний туалет. Завтрак. Теперь старшим пора в гимназию... Впрочем, ист: дабы не простудиться после горячей пищи, надлежит выдержать десятиминутную паузу дома и лишь потом выходить на улицу.

Младшие тоже занимались: сначала с Марией Александровной – чтением, письмом, иностранными языками, музыкой, а по мере роста – с учителем Василием Андреевичем Калашниковым, готовившим их к поступлению в 1-й класс.

К обеду старшие возвращались из гимназии и всей семьей садились за стол. Съесть было положено все, что дают. И кстати сказать, Владимира понукать не приходилось. Аппетит у него в детстве был отменный. И не случайно, когда под руководством Саши дети стали выпускать еженедельный семейный журнал «Субботник», коренастый и плотный Воло-

---

<sup>72</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 95.

дя получил псевдоним – свой первый литературный псевдоним – Кубышкин.

Дома дети не только убирали за собой. Девочки вязали, вышивали, следили за одеждой мальчиков: чинили, штопали, пришивали пуговицы. Мальчики, в свою очередь, должны были наливать водой бочки в саду, помогать переносить тяжести сестрам, няне и матери. А летом, когда чаепитие устраивали в беседке, все дети накрывали на стол.

Фруктов и ягод, произрастающих в саду, они наедались вволю. Но свой порядок и дисциплина существовали и здесь. Яблоки можно было брать лишь те, которые созрели и упали на землю. Остальные – для варенья на зиму. И в клубнике детям отведены определенные грядки – к другим не подходят. А вишню у беседки вообще нельзя трогать до 20 июля – дня ангела Ильи Николаевича<sup>73</sup>.

Но и при такой жесткой системе случались срывы. Однажды мать чистила в кухне яблоки для пирога. «Кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлек ее; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблочной кожуры, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и ска-

---

<sup>73</sup> См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 100; Ленин и Симбирск. С. 231.

зал, что больше так делать не будет»<sup>74</sup>.

Однако система нравственных и поведенческих запретов имела и свои границы. Когда учитель Василий Калашников впервые ступил в дом Ульяновых, он увидел детей, обряженных в самодельные «индейские» одежды. Потрясая копьями и луками, со страшными криками и воплями они носились по двору.

– Дети должны кричать, – очень серьезно сказала ему Мария Александровна.

В дальнем углу сада, у самого забора, Владимир и Ольга устроили шалаш – «вигвам». Он ходил на «охоту», она стерегла «очаг», готовила пищу. И никто из взрослых не должен был заглядывать в этот угол...

После гастролей в Симбирске какого-то цирка они с Ольгой в сарае натянули довольно высоко веревку и, рискуя свалиться, пытались повторить номер канатоходцев. И в этом им тоже никто не мешал.

Но еще более удивляло соседей то, что, если родители оказывались в чем-то не правы, они признавали свою ошибку. «Вот моду завели, – судачили кумушки, – перед детьми извиняются, если что... как перед взрослыми... Где ж это видано?»<sup>75</sup>

Эта не декларируемая, а совершенно естественная атмосфера взаимного уважения проявлялась с особой силой

---

<sup>74</sup> Ленин и Симбирск. С. 221.

<sup>75</sup> Семья Ульяновых. Изд. 2-е. М., 1986. С. 96.

опять-таки тогда, когда вся семья была в сборе. Когда отец играл с детьми, рассказывал не только о школе и поездках, но и о великих путешественниках, о звездах, строении вселенной, читал любимые стихи Некрасова и пел русские народные песни. Когда мать присаживалась к роялю и дом наполняли звуки прекрасной музыки. Или когда в Кокушкине она вела всех в лес, где знала каждую тропку, собирать цветы, грибы и ягоды. А Илья Николаевич шутил приговаривал: «Как бы ягод насбирать и детей не растерять...»

Может быть, во время этих прогулок и зарождалась в детях та неистребимая любовь к русской природе, которую не могли потом вытеснить ни живописность швейцарских Альп, ни холодная красота Нормандии, ни лучезарные ландшафты Италии.

Требовательность Марии Александровны отнюдь не означала и того, что дети должны вертеться вокруг маминой юбки. В Симбирске во время каникул она отпускала Сашу и Володю в многодневные лодочные походы по Волге.

Это запомнилось на всю жизнь, и много позднее Владимир Ильич рассказывал уже знакомому нам Ивану Попову: «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь... Так широка... Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали... и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня... И песни же у нас в России!»<sup>76</sup>

---

<sup>76</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1960. С. 115–116.

Их спутник Иван Яковлев тоже вспоминал: «В пути пели волжские песни. Подобные путешествия, в которых принимал деятельное участие и Володя Ульянов, длились с неделю, а иногда и более...»<sup>77</sup>

И в Кокушкине Мария Александровна разрешала Володе уезжать с деревенскими ребятами в ночное, отпускала в деревню, на реку. «Володя, я и другие двоюродные братья, – рассказывает Николай Веретенников, – с самого раннего детства любили полоскаться в воде, но, не умея плавать, должны были барахтаться на мелком месте у берега и мостков или в ящике-купальне. Старшие называли нас лягушатами, мутящими воду. Это обидное и пренебрежительное название нас очень задевало. Помню, как и Володя, и я, и еще один из сверстников в одно лето научились плавать. Вообще в семь-восемь лет каждый из ребятшек мог переплывать неширокую реку, а если мог и назад вернуться без отдыха на другом берегу, то считался умеющим плавать... Курс плавания на этом не кончался – мы совершенствовались беспрестанно: надо было научиться лежать на спине неподвижно, прыгать с разбега вниз головой; нырнув, доставать со дна комочек тины; спрыгивать в реку с крыши купальни; переплывать реку, держа в одной руке носки или сапоги, не замочив их...»<sup>78</sup>

Но любые забавы и игры допускались лишь до тех пор, пока не становились слишком опасными.

---

<sup>77</sup> Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 64.

<sup>78</sup> Веретенников // Володя Ульянов. М., 1975. С. 11, 12.

Один из приятелей Володи – Н. Г. Нефедьев вспоминал, как в Симбирске бегали они удить рыбу на Свягу но кто-то из ребят предложил ловить рыбу в большой наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, – рассказывает этот товарищ, – если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свягу»<sup>79</sup>.

О том, что надо быть правдивым, родители говорили и напоминали многократно. И это требование как-то вошло в повседневный быт. Старший брат Саша, который был любим всеми младшими и являлся для них абсолютным авторитетом, выражался еще категоричней и заявил, что более всего ненавидит такие пороки, как «ложь и трусость». Это, видимо, запомнилось.

И вот однажды, когда по дороге в Кокушкино Мария Александровна заехала в Казань к сестре Анне Веретенниковой, Володя, «разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сестрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тетя.

– Кто разбил графин, дети? – спросила она.

---

<sup>79</sup> Ленин и Симбирск. С. 227.

– Не я, не я, – говорил каждый.

– Не я, – сказал и Володя.

Он испугался признаться перед малознакомой тетей в чужой квартире, – вспоминает Анна Ильинична, – ему, самому младшему из нас, трудно было сказать «я», когда все остальные говорили легкое «не я». Вышло, таким образом, что графин сам разбился». Так все и сошло...

Но носить эту «ложь и трусость» в себе ему оказалось просто не под силу. «Прошло два или три месяца. Володя уже давно уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером, когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кровати, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

– Я тетю Аню обманул, – сказал он всхлипывая. – Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешила его, сказав, что напишет тете Ане и что она, наверное, простит его...

Он не мог уснуть, – заключает Анна Ильинична, – пока не сознался»<sup>80</sup>.

В семьях педагогов с наказаниями всегда проблема. Илья Николаевич до конца дней своих с ужасом вспоминал, как в Астраханской гимназии, где он учился, и в Пензенской, где работал, служитель перед поркой учеников распаривал березовые прутья, дабы дали они «свою настоящую пользу»<sup>81</sup>. Да и потом директору народных училищ Ульянову постоян-

---

<sup>80</sup> Там же. С. 221–222.

<sup>81</sup> Семья Ульяновых. С. 26.

но приходилось напоминать учителям, что недопустимы наказания «розгами, становление на колени, рванье за волосы или за уши, щелчки, пинки и т. п., как наказания, вредные для здоровья детей и поддерживающие грубость нравов»<sup>82</sup>.

Между прочим, даже в семье земляка Ленина писателя Гончарова мать свирепо драла сына за уши и заставляла часами стоять на коленях в углу. Естественно, что у Ульяновых обходились увещеваниями, воспитательными беседами либо отводили в кабинет отца, усаживали в большое кожаное черное кресло и оставляли одного, дабы мог ребенок поразмыслить над своим поведением.

А между тем в России именно в это время вопрос о телесных наказаниях, и в частности о розгах, приобрел громкое политическое звучание.

С самого начала 70-х годов среди российской демократической молодежи стали широко распространяться «Исторические письма» Петра Лаврова. Этот именитый псковский дворянин, став революционером, писал о священном «долге» интеллигенции перед народом и необходимости идти «в народ» для того, чтобы расплатиться за этот долг.

«Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, – вспоминал Н. Русанов, – чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное «Историческими письмами»! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчишки, не расставались с неболь-

---

<sup>82</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 118.



шой, истрепанной, нечитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жадой жить для благородных идей и умереть за них... К черту и «разумный эгоизм», и «мыслящий реализм», и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставили нас забывать о народе! Отныне наша жизнь должна всецело принадлежать массам!»<sup>83</sup>

И тысячи молодых людей, бросая все – состоятельные и родовитые семьи, престижные университеты и институты, будущую карьеру, – пошли в народ, к обездоленным и униженным. Из них около 4 тысяч были арестованы, сотни и сотни отправлены на каторгу, сосланы в Сибирь.

Ответом на эти насилия стал террор...

Утром 24 января 1878 года в приемную Петербургского градоначальника Ф. Трепова вошла симпатичная молодая женщина. Когда сам генерал-адъютант подошел к ней, она открыла сумочку, вынула пистолет и выстрелила в упор. Это была 28-летняя Вера Ивановна Засулич, и стреляла она в Трепова, после того как градоначальник приказал подвергнуть порке студента А. Боголюбова, осужденного за участие в демонстрации на 15 лет каторжных работ.

Суд над Засулич стал главной сенсацией, о которой писали и говорили повсюду. Ее адвокат П. Александров в защитительной речи заявил о том, что истязания, совер-

---

<sup>83</sup> Русанов Н. Социалисты Запада и России. СПб., 1909. С. 227, 228.

шенные над Боголюбовым, являются позорным надругательством над честью и достоинством человека. Было время, говорил он, когда «розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении». Но и после отмены крепостного права, несмотря на официальный запрет телесных наказаний, розга осталась как некий традиционный «русский сувенир»<sup>84</sup>.

Трепов после ранения остался жив, и 31 марта 1878 года суд присяжных Веру Засулич оправдал. Общественное мнение было целиком на ее стороне. И когда московский гимназист Саша Гучков, с которым нам еще не раз придется встретиться, попытался у себя в классе осудить Засулич, одноклассники просто избили его<sup>85</sup>.

Акты мести за гибель товарищей, за надругательства над человеческой личностью продолжились. Через несколько месяцев на юге России член организации «Земля и воля» Попко убивает жандармского офицера Гейкинга. Валериан Осинский покушается на жизнь царского прокурора Котляревского. А 4 августа 1878 года «землеволец» Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский ударом кинжала убивает в Петербурге шефа жандармов Н. Мезенцова.

«Мы, русские, – писал Степняк в брошюре «Смерть за смерть», – вначале были более какой бы то ни было нации

---

<sup>84</sup> См.: *Русанов Н.* Социалисты Запада и России. С. 227, 228.

<sup>85</sup> См.: *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 10.

склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство тянуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер».

Обо всем этом говорили и просто судачили повсюду. А когда правительство обратилось к обществу с призывом о помощи в борьбе с терроризмом, некоторые либеральные земства – Тверское, Черниговское, Харьковское – выступили с критикой самого правительства и завуалированными предложениями о введении Конституции. И военный министр Д. Милютин в июне 1879 года записал в своем дневнике: «Никто не верует в прочность существующего порядка вещей»<sup>86</sup>.

---

<sup>86</sup> Краткая история СССР. Изд. 2-е. Л., 1972. Ч. 1. С. 285.

# Гимназия

А в семье Ульяновых летом 1879 года Володе предстояло поступать в Симбирскую гимназию. Занятия с В. А. Калашниковым, потом с И. Н. Николаевым, а на заключительном этапе с Верой Павловной Прушакевич дали свои результаты. По тем главным критериям, которые определяли «годность», – по «Закону Божию», знанию «общеупотребительных молитв» и событий, изложенных в Ветхом и Новом Завете, умению читать по-церковнославянски, а также к «диктовке без искажения слов», громкой декламации стихотворений, разбору частей речи, склонений, спряжений и «умственному решению» арифметических задач – Владимир был подготовлен вполне.

Вступительные экзамены, проходившие с 7 по 11 августа, он сдал на высшие баллы и 14-го был зачислен в 1 класс «А». В четверг 16-го – день начала учебного года – Володя впервые надел поверх хромовых полусапожек темно-серые шаровары, затем темно-синий однобортный мундир с девятью посеребренными пуговицами и жестким стоячим воротником, подпиравшим подбородок, темно-синее кепи с посеребренной кокардой, закинул за спину ранец установленного образца и вместе с Александром и Анной пошел на свой первый школьный урок. Саша шел уже в 5-й класс, а Аня – в выпускной класс Мариинской женской гимназии.

Первый день не обошелся без приключений. На перемене Володя вынул из ранца свой завтрак и доверчиво протянул какому-то гимназисту пакетик с домашними пирожками, рассчитывая, что тот удовольствуется одним. Но гимназист «со смехом отобрал все содержимое, оставив Володю без завтрака»<sup>87</sup>.

Гимназию в семье Ульяновых недолюбливали. О том, во что превратились российские гимназии в 70-80-е годы после реформ министров народного просвещения графа Д. А. Толстого и И. Д. Делянова, хорошо написал А. П. Чехов в «Человеке в футляре»: «Не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке». Писали об этом и В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский и другие.

Муштра и зубрежка – эти два элемента определяли весь учебный процесс. Фиксировалось все: расстегнутый воротник мундира, шалости на перемене, «неуместные вопросы к преподавателям», «неимение на уроке Евангелия» и т. п. Провинившихся строго наказывали, вплоть до суточного заключения в карцер с содержанием на черном хлебе и воде<sup>88</sup>.

Однако появление Владимира в гимназии совпало с ее реорганизацией. На смену проворовавшемуся И. В. Вишневскому директором назначили действительного статского со-

---

<sup>87</sup> Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 43.

<sup>88</sup> См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 34–35.

ветника Федора Михайловича Керенского. Позднее он напишет: «В округе гимназия по малоуспешное™ учеников была на самом плохом счету... В первый же учебный год по вступлении моем в должность директора уроки древних языков в старших классах были переданы отлично знающим свое дело и энергичным преподавателям, а преподавание словесности и логики взял я на себя. Через три-четыре года Симбирская гимназия снискала лучшую репутацию среди других гимназий округа»<sup>89</sup>.

Естественно, что общее направление воспитания при этом не претерпело никаких изменений. «Главнейшее внимание было обращено на то, – писал Керенский в одном из донесений в Казань, – чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ, развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим, благопристойность, скромность и уважение к чужой собственности»<sup>90</sup>.

В провинции было принято ходить по праздникам в гости к друзьям и коллегам. И Федор Михайлович, питавший по отношению к Илье Николаевичу самое глубокое почтение, не раз наносил визиты Ульяновым всей семьей. Так что вполне очевидно, что родившийся здесь же в Симбирске 22 апреля (4 мая) 1881 года Александр Федорович – будущий премьер-министр Российской республики – в раннем дет-

---

<sup>89</sup> Там же. С. 35.

<sup>90</sup> Там же. С. 60.

стве тоже переступал порог ульяновского дома.

До конца дней своих будет Ленин вспоминать о своей Симбирской гимназии как о «казенной», «нелюбимой» и даже «ненавистой». Спустя много лет он скажет: «Старая школа была школой... муштры, школой зубрежки... Она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову...»<sup>91</sup>

Но это не мешало ему все 8 лет переходить из класса в класс с похвальными листами и «первым учеником». В этом смысле гимназический восьмилетний «искус», как выразилась Анна Ильинична, стал временем воспитания и закалки характера для всех детей Ульяновых, и особенно для Владимира, как наиболее подвижного и экспансивного ребенка.

В детстве «надо» и «хочется» довольно часто совпадали, а от того, чего не хочется, можно было как-то избавиться. Теперь же – причем ежедневно и ежечасно – надо было делать как раз то, чего не очень и даже совсем не хотелось.

Уроки начинались в 9 часов утра. Но за четверть часа до этого все гимназисты собирались в церковном зале на молитву. Затем до 12 часов шли три урока по 50 минут с короткими переменами. А с 12 до 12.30 – большая перемена для гимнастики и завтрака. С 12.30 – еще два урока, кончавшиеся в 2 часа 30 минут. После этого, ошавев от почти 6-часового рабочего дня, гимназисты шумной гурьбой вываливались на улицу, хотя в гимназических правилах специально огова-

---

<sup>91</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 303.

ривалось, чтобы шли они домой «каждый в свою сторону не гурьбой и не группами»<sup>92</sup>.

Потребовалось прежде всего выработать в себе умение и привычку к систематичности занятий. На уроках он внимательно слушал объяснения преподавателей. Дома повторял этот урок по учебнику, в том числе и «зады», то есть пройденное ранее. А поскольку память была хорошей, то и задание усваивалось быстро.

Что же касается письменных работ, а их задавали очень много, то тут существовал определенный ритуал... Все гимназисты: Саша, Аня, Владимир, а потом Ольга – садились за большой обеденный стол и готовили домашние задания под наблюдением Марии Александровны. И только после того как уроки были сделаны и проверены, можно было заниматься чем-то другим. А утром, перед уходом на занятия, Владимир успевал повторить уроки еще раз.

Николай Веретенников вспоминал эпизод, рассказанный ему Владимиром: «На уроках новых языков соединяли основной и параллельный классы. И вот первый ученик параллельного класса (кажется, Пьеро) просит у него списать слова к немецкому переводу.

– И что же, ты дал?

– Конечно, дал... Но только какой же это первый ученик?

– Так неужели с тобой никогда не бывало, что ты урока не приготовил?

---

<sup>92</sup> Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 125.



– Никогда не бывало и не будет! – отрезал Володя».

Ему уже тогда, замечает Веретенников, были свойственны подобные короткие и решительные формулировки<sup>93</sup>.

Все это требовало не только прилежания, полной концентрации внимания, огромного терпения, но и умения подавлять в себе эмоции, вполне естественную скуку, то есть того, что называют способностью «держаться в руках».

И тем не менее у отца и матери складывалось впечатление, что «Володе все слишком легко дается» и в нем «не вырабатывается трудоспособность»<sup>94</sup>. Они еще больше усилили контроль, стали дополнять задания. А в старших классах Илья Николаевич попросил Владимира давать трижды в неделю бесплатные уроки по латыни и греческому учителю математики чувашской школы Никифору Михайловичу Охотникову, с тем чтобы за два года подготовить его в университет<sup>95</sup>.

Анна Ильинична написала еще об одной подоплеке этой жесткой системы: «Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она, несомненно, сбавила той заносчивости, к которой склонны быва-

---

<sup>93</sup> См.: *Веретенников Н.* Володя Ульянов. С. 37.

<sup>94</sup> Ленин и Симбирск. С. 226.

<sup>95</sup> См. там же.

ют выдающиеся по способностям захваливаемые дети...»<sup>96</sup>

Покойная Екатерина Ивановна фон Эссен любила повторять фразу, которую хорошо запомнили все сестры Бланк: «Так надо!» Но ее «так надо» не объясняло причин. А Илья Николаевич, сам недолюбливавший гимназию, объяснил своим детям, ради чего надо зубрить и терпеть: гимназия – «необходимый мост», без преодоления которого «нет доступа в университет»<sup>97</sup>.

В минуту гнева Салтыков-Щедрин сказал как-то о министре народного просвещения графе Дмитрие Андреевиче Толстом, что он «своим дурацким классицизмом отправил десятки юношей на тот свет...»<sup>98</sup>. И немалая доля истины была в этой оценке.

Именно в эти годы, хотя и был он на два года старше Владимира Ульянова, проходил курс 13-летнего «домашнего обучения» престолонаследник Николай Романов. Первые восемь лет отводились гимназическому курсу. Программу составлял сам Победоносцев. Так вот, латынь и древнегреческий он в нее вообще не включил. Зато значительно расширились занятия по английскому, французскому и немецкому языкам. Среди преподавателей были известнейшие ученые – Н. Н. Бекетов, Н. Х. Бунге, Ц. А. Кюи, Г. А. Леер и др. Впрочем, профессорам решительно запрещалось задавать вопро-

---

<sup>96</sup> Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 40.

<sup>97</sup> Там же.

<sup>98</sup> Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 161.

сы ученику. Сам же он, как правило, ни о чем не спрашивал. Так что степень усвоения им наук так и осталась загадкой.

Владимиру Ульянову все восемь лет пришлось учиться по иной – полной «классической» программе. Преподавание древних языков – греческого и латыни – было поставлено на редкость занудно. Они были настоящим бичом для гимназистов и главной причиной неуспеваемости, второгодничества и «отсева». Тут Владимиру оказывали помощь и Александр, и отец, который сам вместе со старшим сыном стал изучать древнегреческий, ибо в Астраханской гимназии его не преподавали. Латынь сразу пошла у Владимира хорошо, причем он настолько увлекся ею, что пришлось даже умерять рвение, дабы не ущемлять другие предметы<sup>99</sup>.

Новые языки давались легче, ибо немецким и французским дети занимались еще до гимназии с матерью. Учитель немецкого Яков Михайлович Штейнгауэр был милейшим человеком, которого в семье Ульяновых хорошо знали. Но научиться у него читать книги или говорить по-немецки было совершенно невозможно. На уроках все сводилось к заучиванию исключений в виде какой-то рифмованной мешанины. И все это сопровождалось бесконечными окриками и выкриками:

– Кто невнимательно слушать будет – всех в форточку вышвырну!... Выньте голову из кармана, поставьте ее на плечи!... Ничего не понять, что ты лепечешь...

---

<sup>99</sup> См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1968. С. 230.

На одном из первых уроков, когда отвечал Владимир, учитель в обычной своей манере закричал:

– Выплюнь кашу изо рта!

– Извините, Яков Михайлович, – услышал он в ответ, – у меня никакой каши во рту нет! Это я немного неясно выговариваю некоторые буквы...

С тех пор Штейнгауэр никогда на него не кричал и лишь нахваливал за хорошее знание грамматики<sup>100</sup>.

Преподавателей, говоря мягко, вообще не очень любили. «Состав учителей, – рассказывала Мария Ильинична, – был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава... Особого уважения к себе учителя не могли внушить»<sup>101</sup>.

Мало того, если представлялся случай устроить им какую-либо гадость, гимназисты этой возможности не упускали. И тут уж начинал действовать школьный закон «круговой поруки»...

Древнегреческий в гимназии одно время преподавал Володин родственник – Александр Иванович Веретенников. Преподавал хорошо и отметки ставил строго, но справедливо. Однако постепенно у него стало развиваться тяжелое нервное заболевание, которое превратило его, как пишет ставший поэтом соученик Владимира Аполлон Коринфский, в жалкого «евангельски расслабленного» человека.

---

<sup>100</sup> См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 46.

<sup>101</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 198.

Тут-то жестокая мстительность гимназистов и проявила себя сполна...

«Как только он появлялся в классе, – рассказывает Коринфский, – и садился на заранее политый чернилами или обильно смазанный мелом стул у кафедры, раздавался грохот всех парт, разом сдвигаемых со своих мест и загораживавших ход к двери. Начиналось настоящее «истязание» жалкого человека, еле-еле передвигавшего ноги и от малейшего волнения переживавшего настоящий нервный припадок. В лицо ему швыряли жеваную бумагу. Пачкали всякой дрянью его сюртук. Пели специально сложенные общими силами и весьма неприличные «гимны Холере»...

И однажды, услышав шум и заглянув в класс, все это беснование увидел директор Федор Михайлович Керенский...

– Что за мерзость! – закричал он. – Прodelывать такую подлость с совершенно больным человеком, с величайшим трудом зарабатывающим себе здесь на черствый кусок хлеба и на необходимые лекарства!.. Весь класс ... в карцер, в нужник... без обеда!.. Назвать всех зачинщиков этого безобразия!..

Тут же повернувшись к «Ульяше», Керенский молча посмотрел на него и сказал:

– Я знаю, что вы не могли принимать участия в этом диком проступке. Соберите ваши книги с тетрадами и уходите домой! Не требую от вас и указания зачинщиков...

Ульянов вспыхнул, как зарево, до кончиков ушей и ка-

ким-то чужим, не своим голосом выкрикнул:

– Я не могу уйти, когда все мои товарищи, весь класс должны будут сидеть в карцере... позвольте же и мне остаться с ними! Я так же виновен, как и все остальные.

– Не верю я вам, Владимир Ульянов! Вы не могли! Понимаете, не могли быть заодно ни с зачинщиками, ни с участниками такой подлости... повторяю, вы свободны... идите домой!..

– Да не могу же я этой подлости сделать!

И после уроков, – завершает Коринфский, – Ульянов последовал за всеми товарищами в наш школьный «застенок»... С трех часов мы просидели там (голодные и чуть не задыхаясь от вони, проникавшей сквозь щели перегородки и пола из уборной) до девяти часов вечера...»<sup>102</sup>

Может быть, во время одной из таких «коллективов» Владимир впервые попробовал и закурить. Спустя много лет, в разговоре с красноармейцами, нещадно дымившими махрой, он рассказал: «Помню, когда был гимназистом, один раз вместе с другими так накурился, что стало дурно. И с того времени не курю». Была для этого отказа и еще одна причина: о курении узнала мать. Она попросила его бросить, и, как рассказывает Н. К. Крупская, Владимир дал слово «и с тех пор ни разу не дотронулся до папирос»<sup>103</sup>.

Конечно, потребовались и определенные жертвы по отно-

---

<sup>102</sup> Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 49–50.

<sup>103</sup> Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958. С. 215.

шению к тому, что мешало учебе, особенно в старших классах. Володя, например, научился довольно прилично кататься на коньках. Каток на Свияге, где по вечерам горели керосиновые фонари, играл военный духовой оркестр и собиралась симбирская молодежь, был его излюбленным местом. Он мог, как это делали кадеты, стоя во весь рост, скатиться с ледяной горки. Умел он делать и то, что называли тогда «фигурами». И это вызывало особый восторг гимназисток – Олиных подруг.

«Зимой он почти каждый день ходил на каток, – вспоминала Аня Орлова. – Сидишь у окна и видишь – идет он с коньками... Шинель на нем длинная, сшитая с запасцем на будущий рост... Ольга придет ко мне и скажет: «Нюра, пойдем на каток. Посмотрим, как Володя катается...» Быстро соберусь – и пойдем. Увидит Володя Ульянов, что мы на каток пришли, и подкатит к нам, сделав при этом по льду замысловатую фигуру. Ольга приходит в восторг: «Ах, как хорошо! А ну-ка еще раз так прокатись!» Через минуту Володя Ульянов катит к нам по льду кресло. Ольга садится в кресло, и брат долго катает свою любимую сестру. Потом катает и меня»<sup>104</sup>.

Но в старших классах Владимир стал появляться на катке все реже и реже. Позднее он рассказывал Крупской, что к концу дня уставал, «после коньков спать очень хотелось,

---

<sup>104</sup> Семья Ульяновых. С. 254.

мешало заниматься, – бросил»<sup>105</sup>

---

<sup>105</sup> *Яковлев Е.* Жизни первая треть. С. 94.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.